

УДК 355.425.4 «1942» (47)КРЫМ

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-142-150

«СПЕЦЗАДАНИЕ-42». К ВОПРОСУ РАЗВЕРТЫВАНИЯ КРЫМСКОГО ПОДПОЛЬЯ ЛЕТОМ 1942 ГОДА

Ткаченко С. Н.

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
г. Тула, Российская Федерация
E-mail: tkserg2018@yandex.com*

Подпольная борьба крымчан в годы немецко-румынской оккупации Крыма (1941–1944), несмотря на определенный круг исследований, крайне слабо изучена. Особое место в этом имеет взаимосвязь подполья и партизанских формирований, и в частности роль последних в становлении патриотического сопротивления через подпольные формы борьбы. В данной статье раскрыт смысл и значение мероприятия, ставшего важнейшим примером такого взаимодействия – «Спецзадание-42», и его место в развертывании деятельности подпольщиков во второй половине лета 1942 года. В целом, указанные в статье обстоятельства позволяют говорить о явном провале замысла «Спецзадания-42», которое хотя и избавило партизанские отряды от части небоеспособных людей, но не повлияло на действительное расширение подпольного движения. Подполье расширилось благодаря самостоятельной деятельности групп советских патриотов и работе партийных уполномоченных, посланных в оккупированные населенные пункты весной и в начале лета 1942 года. А партизанские формирования все равно пришлось переформировывать и частично эвакуировать на «Большую землю».

Ключевые слова: подполье, Крым, оккупанты, партизанское командование, эвакуация.

История подпольного движения на оккупированной территории Крыма изучалась явно недостаточно, и многие проблемы этого патриотического процесса оставались без внимания историков. Это относится к процессу развертывания подпольных организаций во второй половине лета 1942 года. В советский период историографии делался акцент на партийном руководстве подпольем, совершенно не рассматривались упущения и недостатки этого процесса. А то, что явные неудачи летом 1942-го, имели место – не подвергалось сомнению в устной традиции и нарративных источниках. Но обобщающие работы по истории крымского партизанского и подпольного движения, вышедшие как в советское, так и постсоветское время, мало уделяют внимания этим событиям, кроме фрагментарных упоминаний [1, с. 214; 12, с. 96; 13, с. 252; 21, с. 65]. Именно такие упоминания, например [22, с. 71], дают искаженную информацию, создав ложный конструкт из двух разных явлений – в общем плане, это звучит так, что летом 1942 года из партизанских отрядов были посланы на подпольную работу около 400 человек; возникло множество подпольных групп осенью того же года. Однако этот процесс был не всегда и не везде взаимообусловлен, имел протяженность около двух месяцев, связан с другими крупными, но малоизвестными, событиями –

массовой голодовкой в партизанском лесу и попытками эвакуации крымских партизан морским путём, и очень важен во всей истории сопротивления крымчан немецко-румынским оккупантам, а в целом был просчетом, что поняло командование партизан уже в процессе проведения самого специального задания.

Обстановка на вторую половину лета 1942 г. характеризовалась несколькими процессами. Крым оказался в глубоком тылу противника. В ходе месячной войсковой операции «Schwarz Schatten» (12.7. – 12.8.1942 г.) по «большому прочесу» лесов Юго-Западного, Центрального и Восточного Крыма оккупанты и их пособники, несмотря на огромный расход сил и средств, поставленных целей не достигли. Их потери в общей сложности составили, по оценке партизан, не менее 2000 человек [5, л. 335]. При этом общие боевые потери трех партизанских районов не превысили 100–120 бойцов (несмотря на хвалебные доклады карателей – в их отчетах численность партизан была намного выше реальной, хотя, возможно, за счет партизан выдано местное население, с которым расправились каратели). Но в ходе оборонительных боев и вынужденного маневрирования отрядам пришлось поспешно оставлять свои стоянки, в результате чего карателям с помощью «знатоков леса» из местных предателей удалось найти и вывезти почти все с огромным трудом заготовленные продовольственные запасы, средства МТО и боеприпасы. Повсеместно была приведена в негодность кухонная утварь и личная посуда, шанцевый инструмент, взорваны землянки, сожжены шалаши и загажены источники питьевой воды, что серьезно осложнило положение партизанских сил в последующие месяцы. Оккупационная администрация в августе во всеуслышание объявила, что с партизанским движением в Крыму покончено. Но результаты карательной операции не были приведены в оккупационной прессе – в изученных автором настоящей статьи номерах газеты «Голос Крыма» за июль - август нет даже упоминаний о партизанах (во время других «прочесов», например в конце 1943 года, антипартизанская тематика не сходит с газетных полос).

К завершению «большого прочеса» в трех партизанских районах оставалось немногим более 1500 бойцов, в том числе относительно боеспособных всего 712, из них: в 1-м районе – всего 480, из них боеспособных 300, во 2-м – соответственно 500 и 162, в 3-м – 530 и 250 человек, и общая численность боеспособных бойцов продолжала уменьшаться [8, л. 98–100]. Как отметил в докладе Военному совету Черноморской Группы Войск Закавказского фронта от 18.10.1942 г. командующий Партизанским движением в Крыму полковник М. Т. Лобов: «...После июльских боев партизаны лишились своих скудных запасов продовольствия. Отряды вступили в полосу голода... События на Советско-Кавказском фронте не дали возможности подбрасывать продовольствие воздухом. В отрядах появились больные на почве голода. Начались случаи смертности. Командование Центра (Главного штаба партизан Крыма. – Т. С.) издало ряд приказов и директив, в которых требовало не сидеть, сложа руки, и ждать помощи с воздуха, а идти в населенные пункты и с боем доставать продовольствие. Положение усугублялось тем, что в предгорных деревнях совершенно не было продовольствия» [4, л. 160, 162].

Партизанские отряды, базировавшиеся в горнолесной части полуострова, продолжали действовать в окружении населенных пунктов, значительная часть населения которых относилась к партизанам враждебно. Партизанская зона, особенно на флангах группировки, существенно сократилась, при этом партизанские формирования под давлением оккупантов и набравших силу формирований коллаборационистов оказались сосредоточенными в трех локальных изолированных районах: Крымском заповеднике, Зуйских и Судакских лесах. Такое компактное расположение партизанских сил облегчило оккупантам установление жесткой блокады и проведение противопартизанских мероприятий.

В отрядах продолжалась вторая с начала оккупации длительная голодовка. В крымском лесу с 9 августа снова, как и зимой-весной 1942 года, появились случаи смерти от голода, из-за отсутствия медикаментов умирали раненные [14, с. 259–260, 266–267]. Хотя в апреле – июле 1942 года на «Большую землю» армейской и флотской авиацией было вывезено более 120 человек, несколько раз полеты в Крым прекращались. Но таких долгих перерывов еще не было. К августу уже больше месяца не прилетали самолёты для заброски продуктов и эвакуации раненых.

Из-за большого количества истощенных небоеспособных бойцов, женщин, стариков и детей, число которых достигало 65–70% от общего состава, отряды утратили маневренность, а сокращение запасов боеприпасов всех видов до критического уровня стало одной из причин почти полного прекращения боевой деятельности партизан: «...По существу отряды в августе - сентябре никакой боевой деятельностью не занимались...» [4, л. 161]. Физических сил едва хватало на вынужденное проведение продовольственных операций, в большинстве своем заканчивавшихся без результатов [14, с. 266].

Эти неблагоприятные обстоятельства на фоне оставления советскими войсками Керчи и Севастополя стали причиной утраты многими партизанами перспективы и, как следствие, привели к снижению уровня политико-морального состояния, в том числе также у определенной части командного и политического состава отрядов и партизанских районов. На почве этого в партизанской среде появились эвакуационные настроения, случаи упадничества, дезертирства и даже предательства. Основными заботами партизанского командования стали наличие чрезмерного количества небоеспособных и необходимость решения проблемы их эвакуации на «Большую землю» по воздуху – авиацией Северо-Кавказского фронта и морем – плавсредствами Черноморского флота, а также отправив основную массу небоеспособных партизан в населенные пункты степной части Крыма «на подпольную работу».

В августе–сентябре 396 человек были отправлены из леса на эту «подпольную работу», которая не была обеспечена соответствующим образом, хотя и носила название операции «Спецзадание-42». Многие из отправленных просто погибли, попав в руки оккупационных властей и спецслужб [18, с. 213]. Ставка же партизанского руководства делалась на уменьшение числа неактивных партизан – потенциальных «едоков». 1 марта 1944 года в беседе с секретарем Крымского ОК ВКП(б) В. С. Булатовым комиссар партизанской бригады Т. Г. Каплун по вопросу

посылки партизан в степные районы сказал: «Настоящей посылки в тыл партизан не было. Это дело проводилось не с целью завязать прочную связь, не с целью насадить там людей, а чтобы избавиться от лишних. С людьми основательно не условились о месте явки, сроках, средствах связи, и, как правило, связь с ними была утрачена с первых же дней посылки. Отбор этих людей тщательно не проводился. Не учитывались моменты, когда человека посылали в тот район, где его все знали. Практический результат от посылки людей мизерный...» [2, с. 16–17].

Однако, надо отметить, что такое решение было принято только после горячих споров среди командования, находящегося в лесу [19, с. 99–100]. В результате, из-за крайне неустойчивой связи, неопределенности решения вопроса о возобновлении эвакуации и продолжавшегося увеличения количества истощенных партизан командование 3-го района (начальник Г. Л. Северский и комиссар В. И. Никаноров) самостоятельно приняло решение «разгрузить отряды... от ставших не только обузой для отрядов при их маневрировании, но и препятствием в создании запасов продовольствия...» [4, л. 192]. О своем решении Северский и Никаноров информировали командующего крымскими партизанами М. Т. Лобова, получили его разрешение, и уже с 27 июля 1942 г. началась выборочная отправка пока еще «добровольцев» в степь, в основном, в те административные районы и населенные пункты, из которых они уходили в партизанские отряды. Командующий Партизанским движением в Крыму и обком ВКП(б) имели достаточно «руководящих указаний» и своих решений, и в результате сложившихся обстоятельств были подготовлены к возможной «разгрузке отрядов». Решая таким образом проблему, представители Главного штаба Партизанского движения в Крыму и Крымского ОК ВКП(б) формально активизировали действия патриотических сил сопротивления в степных районах полуострова, выполняя таким образом «политическую работу», и практически – избавляли отряды и руководство «от обузы», отправляя на «подпольную работу» в основном небоеспособных партизан, женщин, стариков и детей.

Согласно «Списка партизан, направленных в августе – сентябре 1942 г. из партизанских отрядов в тыл противника по «Спецзаданию–42»» от 6 апреля 1944 г., имеются данные на 331 партизана [6, л. 1–52]. Согласно этому документу на подпольную работу из партизанских отрядов были отправлены 66 женщин; в числе партизан других национальностей 30 человек были татарами. Используя эти данные, с достаточной степенью достоверности можно сделать вывод, что в общем числе направленных в степные районы (396 чел.), женщины составляли 20% (около 80 чел.), татары - 10% (около 40 чел.). Кроме того, известно, что из общего числа 172 партизана были членами и кандидатами в члены ВКП(б) (43%) [16, с. 204]. Как установлено, из 396 человек 216 партизан были отправлены из 3-го района и 140 и 40 человек – из 2-го и 1-го районов соответственно.

«Подпольщики» не были знакомы с основами конспиративной работы и направлялись «в степь» в большинстве случаев без документов, денег, в одежде, пропахшей дымом костров, с крохами продовольствия и с единой для всех «легендой»: «беженцы из занятого немцами Севастополя, идем на поиски

родственников». Задача – осесть в населенных пунктах степных районов Крыма, легализоваться и проводить разведывательно-диверсионную работу в интересах партизанского движения. Однако в результате предательства документы по таким «подпольщикам» из 3-го района попали в симферопольское отделение СД. Все звенья оккупационной системы были своевременно оповещены, и повсеместно на полуострове карательные органы в кратчайшие сроки были подготовлены к встрече «беженцев из Севастополя». По словам оставшихся в живых подпольщиков: «Каратели ждали нас везде!» [9, л. 44]. Только несколькими «посланцами из леса» удалось легализоваться и создать подпольные группы, и этому способствовала этническая составляющая. Так, в Симферополе и районе возникла разветвленная организация «дяди Володи» – Абдуллы Сейдамета Дагджи [10, л. 4, 20]. Она первоначально действовала самостоятельно, лишь в мае 1943 года партизаны установили с ней регулярную связь. Организации «дяди Володи» удалось привлечь на свою сторону целый ряд крымских татар и создать подпольные ячейки в крымско-татарском госпитале, театре, на ряде предприятий, в нескольких добровольческих подразделениях, в полиции и даже в татарском комитете Ялты. Вследствие плохой конспирации организация была обнаружена в июне 1943 г., ее руководители и многие активисты арестованы и погибли, и главную роль в ликвидации сыграла слаженная работа румынской военной контрразведки и оккупационной полиции порядка.

Иногда упоминается, что стали действовать подпольные группы, созданные П. Т. Очиговым, К. П. Кобзевым, Р. В. Юрченко [12, с. 96]. Однако следует отметить, что П. Т. Очигов до 1 сентября был уполномоченным особого отдела Ак-Мечетского отряда и отправлен в Карасубазарский район для организации подполья именно по линии НКВД, а не партийной структуры, курировал его работу начальник оперативно-чекистской группы в партизанском лесу Ф. А. Якустиди [10, л. 26]. К. П. Кобзев, 1895 г.р., по именным спискам партизан проходит как боец, затем командир Джанкойского отряда с ноября 1941 г. и числился в рядах партизан до 20 апреля 1944 года, а Р. В. Юрченко, 1904 г.р., боец Симферопольского №1 отряда с ноября 1941 г., действительно отправлен на спецзадание в сентябре 1942 года. При этом из документов организатора подполья И. Г. Генова видно, что К. П. Кобзев отправлен им (под партийной кличкой «Яков»), по линии ВКП(б), но не уполномоченного партии, а, видимо, в связке с таким парторганизатором [10, л. 18, 32]. Р. В. Юрченко в списках подпольщиков по итогам работы Комиссии по подпольным организациям (1944–1945 гг.) не значится, групп, созданных им, не зафиксировано [10, л. 2–62].

Тем не менее, по общим данным, летом в Крыму возникло 38 групп подпольщиков, насчитывающих около полутора сотни человек. Осенью 1942 г. появилось 18 новых подпольных организаций и групп, а всего к началу 1943 г. на полуострове их уже действовало 106 с численностью более 1300 человек [10, л. 22, 27, 29, 35]. В Симферополе, поскольку он был административным и военным центром Крыма, активно вели работу более десяти подпольных групп и организаций. Во второй половине 1942 г. появились группы в Севастополе, Ялте,

семи районах полуострова. В основном это были самодеятельные организации патриотов, коммунистическое партийное подполье в это время было весьма ограничено в численности. Не у всех был опыт подпольной работы, а тем более налаженные каналы связи, в первую очередь с партизанами. В середине лета 1942 года в связи с ужесточением оккупационного режима работа коммунистического и патриотического подполья крайне осложнилась. Провал следовал за провалом. Выданные предателями из местного населения погибли руководители Зуйского подполья В. Ф. Младенов и Н. В. Чебышев, были арестованы и расстреляны несколько рядовых подпольщиков. Очень тяжело происходило оседание в Сейтлерском районе руководителя местного подполья, бывшего председателя райисполкома И. С. Дьяченко в течение летних месяцев 1942-го. Однако, несмотря на объективные трудности, по данным организатора подполья И. Г. Генова, по состоянию на 1 сентября 1942 г. в Центральном и Восточном Крыму: «... работали 15 райпартуполномоченных. Создано 37 групп советских патриотов, насчитывавших 126 человек актива, охвативших своим влиянием 72 населенных пункта и 3 города. Этими организациями с апреля по сентябрь 1942 г. распространено среди населения 9 тыс. экземпляров различных советских газет и 16 наименований листовок в количестве 14 тыс. экземпляров» [3, л. 19]. Ими было добыто значительное количество ценной разведывательной информации, которая через радиостанции партизанских формирований передавалась на «Большую землю». Список райпартуполномоченных вполне исчерпывающий [10, л. 17].

К началу сентября в трех партизанских районах осталось около 700 партизан, в том числе 250–300 человек небоеспособных, подлежащих срочной эвакуации на «Большую землю». В лесу продолжалась длительная (более 50 суток) голодовка. Продовольствия в прилесных селах добыть было невозможно, если же вылазки за продуктами в какой-то степени удавались, то заготовители несли при этом большие потери. Продолжалось «Спецзадание–42».

Но и эта операция всех проблем не решила. Как отметил 2 сентября в своем дневнике И. Г. Генов: «Впереди опять голодная и холодная зима. А партизаны одеты и обуты по-летнему. Одежда и обувь изнашивались так, что мы выглядим оборванцами. Наши портные и сапожники ничем помочь не могут – нет материала. У многих на ногах намотано тряпье, обвязанное веревками. Все грязные. Такой вид уже никого больше не удивляет. Мыла давно нет. Во время умывания трем руки глиной или шершавым камнем. Летом партизаны купались в горных речках. Теперь же в холодной воде не выкупаешься...» [11, с. 253].

1 сентября с целью подъема боеспособности и маневренности крымских партизан Военный совет Северо-Кавказского Фронта постановил произвести эвакуацию из крымских лесов всех раненых и тяжелобольных партизан в четыре приёма с 3 по 21 сентября 1942 г. плавсредствами Черноморского Флота и санитарными самолётами. Одновременно с эвакуацией планировалась ежедневная выброска продовольствия самолётами [18, с. 135].

Но основная роль в эвакуации была отведена кораблям Черноморского флота, в частности катерам и подводным лодкам, хотя некоторые руководители

партизанским движением настаивали на проведении эвакуации воздухом [11, с. 248, 255]. Две попытки эвакуировать партизан морем (3-й район – 13–28.08.1942 г. и 2-й район – 22–28.08.1942 г.) из-за организационных неурядиц оказались неудачными, что вызвало большие сомнения в возможности успешного проведения таких мероприятий в будущем. Все надежды были на фронтовую авиацию, но и они могли рухнуть из-за осенней непогоды.

Несмотря на неоднократные попытки и настоятельные просьбы командования партизан Крыма об оказании срочной продовольственной помощи и продолжении эвакуации воздухом с помощью тяжелых транспортных самолетов, представители фронтового командования предприняли шаги к продолжению вывоза морем. Черноморский флот выделил одну из самых крупных подводных лодок Д-5 типа «Декабрист», которая за два-три рейса должна была вывезти остатки 1-го и 3-го районов, подлежащих эвакуации на Кавказ. Но эвакуация морем с ее помощью не удалась, походы Д-5 были неудачными [20, с. 133, 152, 190].

Всего в течение двух месяцев (13.08. – 9.10.1942 г.) было проведено пять попыток вывезти партизан морем, в ходе которых пять сводных групп из различных отрядов под командой наиболее опытных командиров были оторваны от ведения активных боевых действий и заготовки продовольствия [19, с. 102–103]. Личный состав, принимавший участие в изнурительных походах к морю, оказался частично деморализованным, до предела изнуренным и ослабленным, что в ходе продолжавшейся второй длительной голодовки способствовало увеличению смертности. Безвозвратные потери составили 52 человека, в том числе 12 партизан умерли, не выдержав тяжелых переходов к морю и обратно, шесть бойцов пропали на маршрутах, двое обессиленных закончили самоубийством и шесть партизан захвачены в плен. Кроме того, 10 партизан были тяжело и 12 легко ранены (подсчитано автором по [8]). Однако эвакуация морем в полном объеме не удалась, лишь в ночь с 4 на 5 октября 1942 г. двумя катерами – морскими охотниками из района мыса Кикенеиз было вывезено 78 человек [7, л. 32–34]. Всего в ходе этой попытки на Кавказ смогли вывезти партизан из состава 3-го района, при этом некоторые бойцы из группы обеспечения совершили посадку на катер самовольно, а пять бойцов из группы прикрытия, подлежащие эвакуации, не успели спуститься на берег к отходу катеров, и возвратились в партизанский лагерь [15, с. 133].

23 октября 1942 года Военный Совет Черноморской группы войск Закавказского фронта принял постановление «О мероприятиях по укреплению партизанских отрядов Крыма и активизации их боевой деятельности», в одном из пунктов которого записано: «...на зимний период 1942–1943 гг. оставить в Крымских лесах 300-350 человек, создав из них шесть партизанских отрядов во главе с Оперативным Центром» [18, с. 177–178]. Этим постановлением командующим партизанскими отрядами Крыма был утверждён Г. Л. Северский. 25 октября 1942 года Оперативный Центр издал приказ, которым ликвидировал районы и создал два сектора. Фактически «Спецзадание-42», постепенно свернутое в ходе осенних эвакуаций, стало историей.

Анализ подготовки и проведения спецоперации, а также свидетельства непосредственных участников и очевидцев происшедшего позволяют сделать вывод о том, что одной из главных целей определенной группы в командовании партизанским движением Крыма было избавиться от «балласта», обеспечив возможность эвакуации плавсредствами остатков личного состава трех партизанских районов. Все происходило в контексте общей обстановки на полуострове.

В целом, указанные выше обстоятельства позволяют говорить о явном провале замысла «Спецзадания-42», которое хотя и избавило партизанские отряды от части небоеспособных людей, но не повлияло на действительное расширение подпольного движения. Подполье расширилось благодаря самостоятельной деятельности групп советских патриотов и работе партийных уполномоченных, посланных в оккупированные населенные пункты весной и в начале лета 1942 года. А партизанские формирования все равно пришлось переформировывать и частично эвакуировать на «Большую землю» больных и раненых. Но и в очередную партизанскую зиму 1942–1943 гг. крымские патриоты вошли неподготовленными, хотя и реорганизованными. Даже несмотря на удачную в целом эвакуацию большей части небоеспособных партизан авиацией в октябре 1942 года, все задачи подготовки к зиме решить не удалось. И явным просчетом стало проведение специальных заданий как по оседанию в подполье, так и попыток эвакуации морским путём.

Список использованных источников и литературы

1. Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945. – М.: «Наука», 1987. – 336 с.
Basov A. V. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945. – М.: «Nauka», 1987. – 336 s.
2. Брошеван В. М. Крымский штаб партизанского движения. – Симферополь, 2001. – 103 с.
Broshevan V. M. Krymskij shtab partizanskogo dvizheniya. – Simferopol', 2001. – 103 s.
3. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 16.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GАРK). F. P-1. Op. 6. D. 16.
4. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 21.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 21.
5. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 23.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 23.
6. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 308.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 308.
7. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 316.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 316.
8. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 498.
9. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 51.
GАРK. F. P-156. Op. 1. D. 51.
10. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 62.
GАРK. F. P-156. Op. 1. D. 62.
11. Генов И. Г. Дневник партизана. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – 280 с.
Genov I. G. Dnevnik partizana. – Simferopol': Krymizdat, 1963. – 280 s.
12. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 / сост. В. К. Гарагуля, И. П. Кондранов, Л. П. Кравцова. – Симферополь: Таврия, 1994. – 208 с.

- Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 / sost. V. K. Garagulya, I. P. Kondranov, L. P. Kravcova. – Simferopol': Tavriya, 1994. – 208 s.
13. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Сборник / Под ред. И. С. Чирвы. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – 341 с.
- Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. Sbornik / Pod red. I. S. Chirvy. – Simferopol': Krymizdat, 1963. – 341 s.
14. Луговой Н. Д. Страда партизанская: 900 дней в тылу врага. Дневниковые записи. – Симферополь: ЧП «Эльиньо», 2004. – 732 с.
- Lugovoj N. D. Strada partizanskaya: 900 dnej v tylu vraga. Dnevnikovye zapisi. – Simferopol': ЧП «El'in'o», 2004. – 732 s.
15. Македонский М. А. Пламя над Крымом. 3-е изд. – Симферополь: «Крым». 1969. – 303 с.
- Makedonskij M. A. Plamya nad Krymom. 3-e izd. – Simferopol': «Krym». 1969. – 303 s.
16. Очерки по истории Крымской областной парторганизации. – Симферополь: Таврия, 1981. – 375 с.
17. Oчерki po istorii Krymskoj oblastnoj partorganizacii. – Simferopol': Tavriya, 1981. – 375 s.
18. Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. 1941–1944 гг. / А. В. Мальгин, Л. П. Кравцова, Л. Л. Сергиенко. – Симферополь: СОНАТ, 2006. – 268 с.
- Partizanskoe dvizhenie v Krymu v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Sbornik dokumentov i materialov. 1941–1944 gg. / A. V. Mal'gin, L. P. Kravcova, L. L. Sergienko. – Simferopol': SONAT, 2006. – 268 s.
19. Федоренко Ф. И. Годы партизанские. 1941–1944. – Симферополь: Таврия, 1990. – 288 с.
- Fedorenko F. I. Gody partizanskije. 1941–1944. – Simferopol': Tavriya, 1990. – 288 s.
20. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 3. – М. Л.: Воениздат, 1947. – 382 с.
- Hronika Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza na Chernomorskom teatre. Vyp. 3. – M. L.: Voenizdat, 1947. – 382 s.
21. Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. – Симферополь: Крымиздат, 1959. – 159 с.
- Shamko E. N. Partizanskoe dvizhenie v Krymu v 1941–1944 gg. – Simferopol': Krymizdat, 1959.
22. Шамко Е. Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 2.– М.: Политиздат, 1970. – С. 56–99.
- Shamko E. N. Plamya nad Krymom // Geroi podpol'ya. O podpol'noj bor'be sovetskikh patriotov v tylu nemecko-fashistskikh zahvatchikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Vyp. 2.– M.: Politizdat, 1970. – S. 56–99.

Tkachenko S. N. «Special assignment-42». on the deployment of the Crimean underground in the summer of 1942.

The underground struggle of the Crimeans during the years of the occupation of Crimea (1941–1944), despite a certain range of studies, has been extremely poorly studied. A special place in this is the relationship between the underground and partisan formations, and in particular the role of the latter in the formation of patriotic resistance through underground forms of struggle. This article reveals the meaning and significance of the event, which became the most important example of such interaction – «Special Assignment-42», and its place in the deployment of the activities of the underground in the second half of the summer of 1942. On the whole, the circumstances indicated in the article make it possible to speak of a clear failure of the plan of «Special Assignment-42», which, although it saved the partisan detachments from some of the non-combatant people, did not affect the actual expansion of the underground movement. The underground expanded thanks to the independent activities of groups of Soviet patriots and the work of party representatives sent to the occupied settlements in the spring and early summer of 1942. And the partisan formations still had to be reorganized and partially evacuated to the «mainland».

Keywords: underground, Crimea, occupants, partisan command, evacuation.